

бой точке, любом событии сообщества, и в то же время как изнанка любой совместности, неопределимой в своем качестве единичности или множественности. Здесь, в этой точке неопределимости, формируется как толерантность, так и предел разрешимости толерантности как социального феномена.

Отсюда возможно сделать некоторые выводы в отношении толерантности. Во-первых, в силу того, что толерантность не может быть определена в самом сообществе, языком самого сообщества, толерантность в этой ситуации неизбежно экстерриториализируется за пределы сообщества, что обнаруживается как попытки экспорта толерантности. Экспорт толерантности становится символом современного сообщества. Толерантность становится знаком сообщества, но этот знак некоторым образом всегда существует в современном сообществе как откуда-то навязанный, ввезенный извне, как знак предела европейского сообщества. Но одними возможностями экспорта толерантности таких целей, как ее учреждение или ее сущностное обсуждение, не достичь. Экспорт толерантности должен быть дополнен ее импортом внутрь самого сообщества, что должно создать многонаправленный вектор бытия толерантности. Толерантность должна быть рассеяна, чтобы начать существовать, умножена таким образом, чтобы различные сообщества имели возможность осуществления собственной толерантности. В итоге рассеяние толерантности должно приводить к обнаружению предела в каждом сообществе, в каждой сингулярности.

С. А. Никитин

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

«ЭФФЕКТ ТОЛЕРАНТНОСТИ» И СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

В понятии толерантности, в каком бы контексте оно ни использовалось, скрывается странность, вызванная «холодностью» самой концепции толерантности, отсутствием само собой

разумеющегося основания толерантных отношений. Неизбежное упоминание об этическом и юридическом характере толерантности равнозначно признанию ее не онтологического, но лингвистического характера: толерантность не относится ни к заданному, ни к данному порядку вещей человеческого мира, но изобретается для того, чтобы по возможности усовершенствовать и изменить сам этот порядок якобы к лучшему.

Толерантность вторична, поскольку и в истории народов, и в истории индивидов неприятие «другого», принципиальное «нет» любому «не-я», предшествует принятию разнообразия, принципиальному «да», которое только и делает возможной толерантность. Для того чтобы установились отношения с другими, характеризующиеся как толерантные, необходимо, по меньшей мере, считать других такими же людьми, как ты сам, но понятию «люди», объемлющему себя и других, своих и чужих, предшествует страх перед чужими людьми. Хорошо известная притча Руссо описывает первичную встречу с другими людьми: «Дикарь при встрече с другими людьми сперва уstraшитcя. Его испуганному воображению эти люди представляются более рослыми и могучими, чем он сам; он назовет их *гигантами*. Из длительного опыта он узнает, что мнимые гиганты не превосходят его ни силой, ни ростом, и их телосложение уже не будет соответствовать той идее, которую он вначале связал со словом *гигант*. Тогда он придумает другое название, общее и для него, и для этих существ, например, человек, а название гигант оставит для ложного образа, поразившего его воображение»¹. «Пример» впервые увидевшего других людей и уstraшенного их видом дикаря описывает один из поворотных моментов в истории человечества. Вплоть до этого момента человеку была известна только его семья, «в хижине дикаря помещались только ему подобные; чужой человек, животное, чудовище были для него равно непонятны; вне его самого и его семьи вся вселенная была для дикаря ничто». Семья удовлетворяла потребности, но не пробуждала страсти, вслед за ними — воображение и размышление, способствующие сравнению себя и других, пробуждению жалости и сострадания. Поэтому Рус-

¹ Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. М., 1961. Т. 1. С. 226–227.

со замечает: «Кто лишен воображения, ощущает только себя самого; он одинок среди рода человеческого»². Общение с другими людьми за пределами семьи позволило создать язык, а вместе с ним и способность к самосовершенствованию, отличающую людей от животных.

Притча Руссо призвана подтвердить первичность фигурального языка, она описывает рождение метафоры, процесс установления непрочного соответствия внешнего и внутреннего. Комментируя ее, Ж. Деррида замечает: «Если страх внушает мне, что передо мной не обычные люди, а великаны, тогда означающее — как идея предмета — будет иметь метафорический смысл, а означающее моей страсти — прямой смысл»³. Иными словами, называя других великанами или гигантами, дикарь просто скрывает свой страх перед ними: он хочет сказать «мне страшно», но говорит «они — гиганты». Прямой смысл противостояния другим — его страх; метафорический, или переносный, смысл — их чудовищные качества, а в основе всего процесса — мнимое соответствие внутреннего и внешнего.

Но что так испугало дикаря в нежданно встреченных других людях? Почему все, встреченное им за пределами семьи, одинаково *пугает* его? Руссо отмечает, что встреченные дикарем другие люди не превосходили его ни ростом, ни силой и не могли испугать его своими «действительными» свойствами. Поскольку Руссо настаивает на неспособности дикаря к счету и сравнению⁴, его дикарь не способен определить, существует ли численное превосходство других. На самом деле, он не может даже решить, опасен или безопасен представший перед ним другой. Комментируя эту притчу Руссо, П. де Ман замечает: «Страх перед другим человеком гипотетичен», но «перед каждым человеком, если он не параноик и не дурак, стоит вопрос, можно ли верить в надежность такого человека, как ты сам»⁵. К концептуализации других и превращению их в ужасных гигантов, много превосходящих бедного дикаря ростом и силой,

² Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков. С. 239.

³ Деррида Ж. О грамματοлогии. М., 2000. С. 461–462.

⁴ См.: Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1998. С. 148.

⁵ Ман П. де. Аллегории чтения. Екатеринбург, 1999. С. 177.

вынуждает ситуация неопределенности, непредсказуемого поведения этих встреченных им людей. Дикарь вынужденно колеблется, решая вопрос, опасны ли эти люди, и превращение их в гигантов отражает не столько страх перед ними, сколько страх перед собственной нерешительностью. Не в состоянии длить колебания, он превращает гипотезу гигантов в реальность, причем прямым ее смыслом оказывается не просто утверждение «Мне страшно», но утверждение «Мне страшна моя нерешительность». Желая скрыть этот страх, дикарь производит тотализацию во имя приобретения уверенности, создает текст, претендующий на статус единственной реальности: «Эмпирической ситуации, открытой и гипотетической, приписывается последовательность, которая может существовать только в тексте»⁶. Эмпирическая ситуация приобретает свойства текста; человек входит в общество людей.

Создание текста позволило преодолеть первоначальное разобщение людей, замкнутых в своих семьях, и создать новые концепции, включающие в себя своих и чужих, себя и другого: «Изобретение слова «человек» сделало возможным существование «людей», устанавливающих свое равенство в неравенстве, подобие — в различии гражданского общества, в котором иллюзия тождества приручает неопределенную, возможную истину первоначального страха»⁷. Но и в обществе людей вопрос о неизвестных и потенциально опасных свойствах другого не теряет свою актуальность, и в гражданском обществе необходимо быть уверенным в том, что «эта тварь, хотя она и непохожа на льва или медведя, может, вопреки очевидности, повести себя, как они»⁸. Изобретение слова «человек» не отменяет разобщение людей, но лишь меняет его формы. Различия между семьями становятся второстепенными, но первостепенную важность приобретают различия между народами, а затем — политические и гражданские различия в рамках народов. Справедливо замечание Ж. Старобинского: «Люди начинают сближаться друг с другом, но при этом они образуют *различные* группы, и чем лучше они понимают друг друга *внутри* этих групп,

⁶ Ман П. де. Аллегории чтения. С. 178.

⁷ Там же. С. 182.

⁸ Там же. С. 176.

тем меньше остается у них общих черт, которые роднили их в естественном состоянии человечества... Некий *коэффициент разьединенности* остается неизменным в любых обстоятельствах. Социализация, уменьшая разьединенность в одном плане, одновременно увеличивает разьединенность в другом»⁹. «Пример» Руссо оказывается самой настоящей притчей не только о том, как радикально иной человек становится чужим, но и о причинах неустранимого разьединения людей и условности любого их объединения. Сколько бы ни применялись риторические средства ради устранения неравенства между людьми, они лишь умножают число различий, которые призваны устранить. Вместе с тем эта притча говорит о том, почему другой легко и естественно превращается в чужого.

Толерантность требует (или от толерантности требуется) удержать другого другим, не допустить превращения другого в радикально другого, или чужого. Определенность другого как другого предшествует возникновению толерантности в любой форме, и потому неизбежно ироничные — показывающие не то, что имеется в виду, — толерантные отношения скрывают неразрешимую проблему. Религиозно, этически и юридически обоснованная толерантность призвана сдерживать внутреннюю враждебность, лишь нарастающую по мере становления глобального общества.

«Коэффициент разьединенности», обнаруженный Старобинским в социальной теории Руссо, вызван часто применяющейся и широко распространенной стратегией объединения против кого-либо (врага, преступника, врага народа и т. д.). «Нормальная» концепция радикально другого, или чужого, сохраняется и функционирует именно в ситуациях объединения своих против чужих, иными словами, в политических ситуациях¹⁰. Возможно ли объединение не против чужого? Дж. Г. Мид, описывая психологию правосудия, стремящегося наказывать, замечает, что подобный опыт враждебности вполне объясним с позиции некоторого варианта «зеркальной теории

⁹ Старобинский Ж. Руссо и истоки языка // Старобинский Ж. Поэзия и знание. М., 2002. Т. 1. С. 301.

¹⁰ В соответствии с определением политического К. Шмиттом. См.: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1.

Я»: «Осознание себя через осознание других ответственно и за... чувство враждебности — враждебности членов группы к тем, кто ей противопоставлен или даже просто находится за ее пределами»¹¹. Враждебность по отношению ко всем тем, кто находится за пределами группы, необходима для социального самоопределения группы, ведь только отражая (мнимые или действительные) покушения на блага и институты, можно осознать действительное значение этих благ и институтов, т. е. то, что они, прежде всего, полезны как объединяющее начало группы. Поэтому «определение врагов... несет с собой и определение благ и институтов... Кажется, что без преступника внутреннего связность общества исчезнет»¹². Мид полагает, что «сегодня» (в 1918 г., но многое ли изменилось с тех пор?) можно только приступить к поиску «такой эмоциональной сплоченности, которую мы можем обеспечить взамен той, что создавалась традиционными процедурами»¹³. Побеждая врагов и примерно наказывая преступников, группа пробуждает в своих членах чувство надежности, а уж оно избавляет от враждебности, заменяя ее неким «функциональным самоутверждением», располагающим на грани социальной теории и утопии: «Прогресс состоит в осознании более широкого социального целого, внутри которого враждебные установки переходят в самоутверждение, которое уже не деструктивно, но функционально»¹⁴. Функциональное самоутверждение прямо зависит от расширения пределов социального целого, но такое расширение сохраняет разьединенность и даже враждебность, а кроме того, не может быть беспредельным.

Поскольку, как правило, толерантность по отношению к своим обусловлена нетерпимостью по отношению к чужим, настоящей проблемой толерантности становится измышление глобального общества, общества, в котором уже не может быть чужих. Глобальное общество вновь, и уже в мировом масштабе, сталкивается и с «теоретически беспристрастным навязы-

¹¹ Мид Дж. Г. Психология пунитивного правосудия // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 240.

¹² Там же. С. 249.

¹³ Там же. С. 252.

¹⁴ Там же. С. 241.

ванием общей воли»¹⁵, и с парадоксальным соотношением общей и частной воли в политическом организме, порожденным общественным договором. Рассматривая право государства карать преступника или мятежника, т. е. того, кто вольно или невольно принимает участие чужого врага, Руссо отмечает парадоксальный характер действий государства. Ведь самым превращением гражданина в чужого его исключают из целостности социального организма, так что «целое минус часть вовсе не есть целое; и пока такое отношение существует, нет более целого, а есть две неравные части; из чего следует, что воля одной из них вовсе не является общею по отношению к другой»¹⁶. Но наказание осуществляется, а когда изгнание за пределы становится невозможным, сама неотвратимость наказания обнаруживает условность любой формы толерантности: чужого приходится выдумывать даже тогда, когда не должно быть никаких чужих.

Непрерывно расширяющаяся социальная общность, на первый взгляд, делает нетерпимость в социальных отношениях невозможной, но это не так. Однако толерантность требует соблюдать перемирие даже там, где единственно возможной формой признания *инаковости* «другого» была бы война с ним. В современном мире невозможно обойтись без вражды и войны. Альтернативой может быть только соединение с другим до неразличимости, слияние с ним, кошмар толерантности. Быть может, настоящая терпимость предполагает не просто уважение к существующим границам, как в политической, так и в частной жизни, но признание суверенитета (проявления власти в действии)¹⁷, а значит, и права вести себя политически некорректно, социально нетерпимо, вообще непредсказуемо и совершенно неверно.

¹⁵ Мид Дж. Г. Психология пунитивного правосудия. С. 243.

¹⁶ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. С. 227.

¹⁷ К. Шмитт, как известно, определяет суверенитет как способность принять решение о введении чрезвычайного положения. См.: Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 15.